СПЕЦИАЛЬНЫЙ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ

4-й ГОД ИЗДАНИЯ № 6 ЦЕНА 15 КОП.

СМЕХАЧ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

ФЕВРАЛЬ Ленинград, Просп. 25-го Октября 88. Телефон редакции и конторы 5-49-78. 1926 ГОД

Рис. А. Успенского

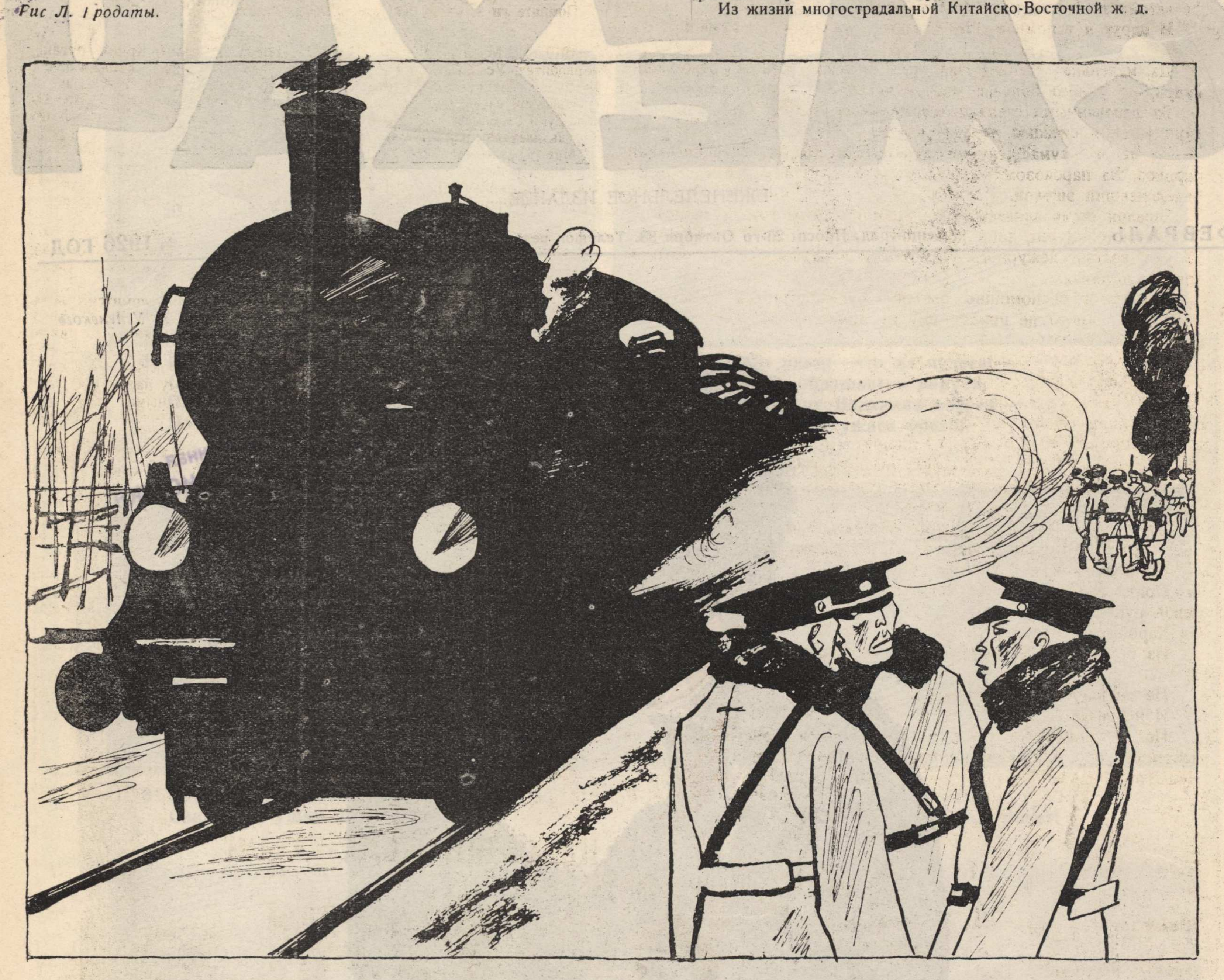

Стрелочник—который всегда и во всем виноват. В том числе и в выходе специального железнодорожного №-ра: уж больно хотелось поместить его на первой странице!

ТРАНСПОРТ ПО-КИТАЙСКИ

Рис Л. Гродаты.

Нередко из-за бесчинства китайской военщины поездные бригады бегут с поездов и скрываются, отказываясь их вести.
Из жизни многострадальной Китайско-Восточной ж. д.

— Вот везет, так везет! И поезд отбили, и топливо достали, и даже в штаб телеграмму о выезде подали!
— Так почему же везет? Именно не везет! Да и кому везти, если вся поездная бригада сбежала?

ИХ БЫТ

Дня четыре назад редактор позвонил мне по телефону:

— Мы выпускаем специально-железнодорожный номер. Тащите что-нибудь, только, пожалуйста, бытовое.

— Бытовое?—вздохнул я:—Ладно!

Медленно повесив трубку, я отошел к столу.

Бытовое...

Я не люблю редакторов: редактору ничего не стоит подойти со скучающим видом к телефону и ласково бросить:

— Мы делаем специально китайский номер. Закиньте в редакцию что-нибудь бытовое.

Я вытащил из чулана кипу старых газет и начал искать бытовое. Нашел о растратчиках и пьяницах, но это неоригинально. Нужно что-нибудь особенное, железнодорожное.

К моему горю, все мои представления о железной дороге сводились к высокой красной водокачке, к буфетчице со вчерашними подогретыми пирожками, к носильщику с тележкой и к усатому кондуктору с глазастыми фонарями в руках.

Газеты мне не помогали: они меня только запутали.

Первым, кто меня сбил с толку, был какой-то ПЧ-22.

За ПЧ - 22 следовали непонятные ШГ, ДП, ДЧ, СК и снова ПЧ, только на этот раз почему-то не 22, а 13.

— Слушай,—сказала жена, когда я кротко, но очень содержател но выразил вслух мое мнение о ПЧ - 22,— главное дело—тема.

Может быть я помогу тебе. Сын ПЧ-22 влюбился в дочь ДПЗ-13...

— Нельзя,—перебил я:—де-пе-зе — дом предварительного заключения.

— Ну, все равно. Я не знаю, как там у вас... Он—коммунист, она—кадетка. Поезд, в котором едет коммунист, должен, по заданию белых...

— Знаю,—сказал я:—ей дана задача спустить поезд под откос; и вот в последний момент, когда эшелон должен полететь ко всем чертям, она бросается под паровоз и останавливает поезд.

Жена удивленно подняла брови. Я молчал.

— Ну, тогда так,—продолжала жена:—маленькая степная станция. Водокачка. Садик с акацией. Карты. Пьянство. Поезда никогда не останавливаются здесь. Но вот однажды что-то случилось и...

— И остановился на час экспресс. В нем ехала прекрасная блондинка. Телеграфист (кудри, поэтическая натура) влюбился.

Когда экспресс ушел, телеграфист спился от безнадежной любви.

Жена надула губы. Я молчал.

— А если так,—вдруг снова заговорила она:—у стрелочника болен сын. Очень болен. А отцу нужно проводить вечерний поезд...

— Старо. Этому ребенку теперь лет шестьдесят с хвостом, если не больше. Сын умер?

— Умер. Отец проводил поезд и пришел к сыну, когда он умер.

— А в поезде, — добавил я, — ехал счастливый отец и здоровые дети смеялись... Старо, матушка!

Жена вышла. Я задумался. В сущности, это свинство: я фельетонист по международному поло....

И вдруг я вспомнил. Перо быстро побежало по бумаге.

* * *

Да, маленькая степная станция. Я не знаю, есть ли у дежурного кудри, но у него больная жена и четверо худосочных ребят.

За деревянными стенами станционного здания злой манчжурский ветер и снежная жесткая крупа.

Из белого сумасшедшего хаоса ночи выползает одноглазый паровоз. За паровозом, потеряв хвост в холодном мраке, тянется обледеневший эшелон.

Эшелон останавливается со скрипом, скрежетом и звоном.

Высокий китаец, лицо которого обезображено шрамом от уха до уха, хватает дежурного за ворот и ломаным русским языком требует топлива.

Дежурный беспомощно бьется в руках офицера. Дежурный знает, что никто не придет ему на помощь, так как никто не решится на это.

Но дежурный молчит. И только в те секунды, когда китайский офицер перестает трясти его, дежурный отрицательно качает головой: у него есть приказ по Вост.-Киг. дороге не пропускать самочинно двигающихся эшелонов, во избежание катастрофы.

— Шибко ломайла будет! — говорит китаец, поднося широкую ладонь к своему горлу и делая выразительный жест.

Тем временем солдаты находят топливо. Дежурного волокут по платформе и бросают в вагон.

На седьмой версте дежурного выбрасывают. Он удачно падает: вывихнуто только три пальца на правой руке.

Он поднимается и плетется к станции.

Придя на станцию, он садится за аппарат и телеграфирует левой рукой в Харбин.

Харбин не отвечает.

Из белой бездны выползает новый эшелон.

* * *

Не смешно?

И не надо.

Но в *специально-железнодорожном* номере нельзя не вспомнить об этом: Аванпостам Красного транспорта в далекой Чан-Дзо-Линовской Манчжурии „Смехач" посылает свой привет!

Р. В.

СЕМЬ ЛЕТ

1919 год—1926 год. А между ними—Чехо-словаки, Мамонтов, Деникин, Юденич, Врангель, Колчак и прочее, и прочее

Помните ли вы всех их, тов. железнодорожники?

. . . .

1919 год. Москва. Вокзал. Посадка в поезд на Казань. Крики, ругань, мордобитие. Усталые люди с усталыми глазами от трех бессонных ночей ожидания. Среди всех этих людей—я. Такой же свирепый и усталый.

Наконец, влезли. Вагон 4-го класса. На каждой скамейке по 10 человек. Руки сплелись с ногами, ноги с руками. Неожиданно из-за какого нибудь плеча вынырнет нога в стоптанном валенке.

Мне повезло. Я лежу наверху. Не на второй полке, конечно, а на полке для вещей. Подо мной отчаянно хрустит старая шелуха от семечек, а под головой чья-то соль в серо-грязном мешочке, пахнущем селедкой. На уровне глаз болтаются на крюке бренные остатки разлагающегося гуся. Гусь невероятно воняет.

Я лежу скорчившись в три погибели. К вечеру я устанавливаю, что, если просунуть под углом левую руку под мешок с солью и схватиться мизинцем за крюк, то, пожалуй, можно будет проспать несколько часов. Я счастлив и засыпаю.

Так едем мы шесть суток. От проклятого гуся у меня ломится голова. Мне кажется, что его трупный запах въелся в мои мозги. Кроме того, в вагоне добрых две сотни людей. И все они дышат тяжелым, звериным дыханием давно немытых тел.

На седьмой день поезд неожиданно останавливается в открытом поле. Стоит долго—часов 10. Тогда даже привыкшие ко всему пассажиры прыгают в глубокий снег и забрасывают машиниста жадными вопросами. Нето ось сломалась, нето встречного поезда ждут, нето дров нет. Во всяком случае, поезд простоит здесь всю ночь.

Тогда целой гурьбой, голодные и отощавшие, идем мы в соседнюю деревню верст за пять. В кармане у меня два неполных коробка спичек для обмена.

А когда часа через три мы возвращаемся—поезда и след простыл. Женщины беспомощно опускаются в снег и плачут по уехавшим вещам и детям. Мущины бессильно сжимают злобные кулаки.

. . . .

А на прошлой неделе я ездил, по службе, в Казань. По той самой дороге 19-го года. В купе нас было четверо, поля бежали мимо голубобелыми птицами. А на какой-то промежуточной станции буфетчик подал четыре стакана ароматного, крепкого, дымящегося кофе.

И вдруг, в разговоре, кто-то сказал про кого-то:

— Хорош гусь!

И я вспомнил *того* гуся. Вспомнил,—и на минуту зажмурился. Вспомнил все: и багажную полку, и поле в глубоком снегу, и два коробка спичек, и плачущих женщин, и серо-грязную соль...

Вспомнил, сравнил и. . усмехнулся.

Помните ли вы все это, московско-казанские железнодорожники?

Александр Нератов

Л—54

(Паровозный гимн)

Шестнадцать пульманов с багажным впереди!..
Огонь—в груди,
И фонари глядят во тьму—
Возьму!
Мне по плечу!
Шестнадцать пульманов умчу!
Удар... Второй... Сигнал... Свисток
И нефти масляной глоток—
Пошел...
Пошел...
Пошел...
Пошел...
Дыши, дыши,
Спеши, спеши,
Стакан в купэ—ô-пол!
По стрелкам затопал...
Путям—разнос:
Рванул! Понес!
Набирай пары,
Припускай с горы
На прямую!..
Ходу дал, ходу дал, ходу дал..
К чертям—километры, летят столбы—
Машинист и помощник пружинят лбы...
Железо, сталь, пары и колеса...
Бессонница теплых век...
И тьма сторожит у откоса—
Сорвется вот-вот человек!..
А мороз—все крепче, а дали—шире,
И не могут воспеть слова
Л—54
В пути Ленинград - Москва!

Александр Флит

КРАСНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

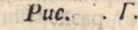

Рис. . Г.

— Когда у нас Петяшка-то родился?

— А это в тот месяц, когда еще последние разы три звонка давали.

КУРИЦА

„...Опять случаи фиктивных браков железнодорожников из-за лишних провизионок. Ц. К. Союза предполагает о всех таких случаях заводить дела, а виновных немедленно удалять со службы“...

(„Голос Труда“)

Жена Трубочкина, Марь Иванна, собралась к тете съездить в Самарскую губернию.

— Я, говорит, и туда свезу, я, говорит, и оттуда вывезу. Ничего говорит, мне это не стоит, ежели мой муж— Иван Иванович Трубочкин—проводник спальных вагонов, и вообще, железнодорожник!

Поехала.

Проходит месяц. Проходит два. Марь Иванна, нагостившись, домой к мужу, на возвращение. Конечно, провизион с собой всякий везет, и, между прочим, курицу, теткин подарок.

Дорогой села в служебное купе к Марь Иванне еще одна женщина, тоже с провизионом, но без курицы. Едут.

Вот курица Марь Иванны и начни волноваться. На разный манер кудахтать! Срам прямо! Марь Иванна ее и так, и сяк—ничего!

А спутница Марь Иванны придирается:

— Уймите, мадама, курицу, а то, говорит, я жалиться стану. Вовсе, говорит, это не курицино купе. Мне, говорит, Губсоцстрахом покой приписан...

Марь Иванна вообще расстроена, а тут еще, после таких слов,— в полную обиженность.

— Вы, отвечает, мадама, не очень-то задирайтесь, относительно курицы, ежели что в служебном едете. Прежде всего, отвечает, кто вы такая?

— Я—кто такая? кипятится спутница.—Я—Трубочкина, жена проводника спальных вагонов, а вот вы—неизвестная...

— Трубочкина? Жена спальных вагонов?... Повтори-ка, послушаю... Марь Иванне показалось, что она ослышалась.

— Да, Трубочкина. И в паспорте у меня так... Ивана Ивановича Трубочкина...

Понятно, не на шутку, вспылила Марь Иванна:

— Ишь, стерва... Трубочкина... Шлюха Трубочкина... Я сама—Трубочкина... Еще чего!

— Ха-ха-ха-ха! Она сама—Трубочкина!—нагло так рассмеялась спутница. Прямо в глаза разсмеялась. Конечно, уж это слишком. Марь Иванна—двадцать лет Трубочкина, и ее каждая собака знает у себя, на станции, а тут... самозванство такое! Без лишних слов вцепилась Марь Иванна сбидчице в волосы. Картина получилась: кудахчет курица, вопит спутница, бежит контролер...

Бросился контролер к первой спутнице, высвободил ее, посмотрел ее документы, фотографию, а потом к Марь Иванне:

— Как, говорит. И вы—Трубочкина? И с той же станции? И тоже жена проводника спальных вагонов? Что-то странное... К тому же и курица у вас. А к спутнице Марь Иванны, с почтением почему то:—вы, говорит, мадам, не бойтесь. Мы самозванство выясним на чистую воду. Вот, приедем ужо...

. . . .

Приехали. Видит Марь Иванна в окно: стоит ее муж, Иван Иваныч, на платформе, и должно быть, ее встречает. — Ваня, крикнула ему Марь Иванна, выручай меня!

Оглянулся Иван Иваныч, увидел Марь Иванну, бросился к ней, действительно, подбежал к вагону уже, но потом, случайно узрев рядом с Марь Иванной ее спутницу, повернул вспять.

— Ваня, куда же ты? Ваня!!!

Конечно, все выяснилось. Тут же права Марь Иванны на жену проводника спальных вагонов восстановлены, только в прошедшем, так сказать, времени. Теперь, говорят, Трубочкин, Иван Иваныч, не проводник спальных вагонов...

Ну... И еще говорят. Разное говорят. И, во всяком случае, совсем для Марьи Иванны неприятное:—Зачем, говорят, муж ваш, находясь на службе, совершил противозаконное деяние, фиктивно женился для лишней провизионки и получил со своей фиктивной жены половинную стоимость проезда, всего двадцать рублей???

Марь Иванна знает, зачем, но... молчит.

Вообще, ей теперь не до разговоров.

Борис Перфилов

УФ!—А

В последнее время в Уфе сильно развивается хулиганство.

Все более частыми становятся случаи раздевания прохожих.

Насколько большие размеры приняло это явление, показывает, напр., то обстоятельство, что открывшийся с'езд железнодорожников, чтобы обеспечить делегатов от раздевания, постановил работу с'езда заканчивать не позже 6 часов вечера.

(Из газет).

Рис. Б. Малаховского

— Внеочередное заявление представителю хулиганов!..

— Граждане! Как вы еще не исчерпали повестку дня, мы, хулиганы уфимского района, разрешаем продолжить заседание до восьми часов!

ПЕРЕВОЗКА ЖИВОГО ГРУЗА

Рис. Б. Антоновского

Малой скоростью. Большой скоростью.

СТОРОЖИХА

Вам, Галины, Акулины,
Дарьи, Марьи, Секлетеи,
Евдокии, Пелагеи,—
Посвящаю звучный стих.
Вам,—Палаши и Агаши,
Тети Даши, Саши, Паши,—
Трехверстовый список длинный
Всесоюзных сторожих!
Сколько раз, от скуки глядя,—
Проводя в вагоне сутки,
Видел я во всем параде
Сторожиху из окна.
Вот она с зеленым флагом
Торопливым, беглым шагом
Из дорожной вышла будки
И стоит у полотна.
Сзади матери—гурьбою
Белобрысые ребятки—
Таньки, Ганьки и Ванятки
Собрались, разинув рот;
А теленок—хвост трубою!—
Прет лужайкой без оглядки,
Унося со страху пятки
В двухаршинный огород.
Вам,—путей советских гайки,
Вам,—безвестные подруги,
С полным правом, без утайки,
Посвящаю звучный стих:
Тани, Мани, Акулины,
Саши, Паши и Галины—
Трехверстовый список длинный
Всесоюзных сторожих!

Р. Волженин

ЗАНОЗА

Начальник станции „Шишки“, Андрей Петрович Заиграев, просыпается от исступленного треска над самым ухом.

Он хватает будильник со стола и сует под подушку, но подлая пружина и там продолжает свою работу, и звонок звонит придушенным звуком. Звонит до тех пор, пока хватает завода, и вдруг умолкает, сбессиленно шевельнув еще раза два молоточком.

Андрей Петрович поворачивается на-бок и закрывает голову одеялом. Но сон уже улетучился. Будильник поставлен на восемь часов утра, а в восемь двадцать пять—надо провожать первый поезд.

Сбросив с головы одеяло, Андрей Петрович лежит и смотрит в потолок, стараясь вспомнить о чем-то важном и, вместе с тем, неприятном.

И вдруг вспоминает.

— „Заноза“!

Не приснилось ли это во сне? Мало-ли, какая гадость иногда может привидеться!

Но одного взгляда на стол достаточно, чтобы убедиться, что это—увы!—неприятная действительность! На столе лежит номер „Гудка“ с отчеркнутой карандашем заметкой *„Шишка из Шишек“*, заметкой, целиком посвященной ему, Андрею Петровичу Заиграеву.

— Ах, подлец! — свирепо морщится Заиграев:—Ошельмовал! И, главное дело, кто он есть этот „Заноза ? Дознаться бы! Я бы тебя, подлеца, живьем сглонул!

Заиграев быстро одевается и, подойдя к куску зеркала, прикрепленному на стене у окна, приглаживает спутанные волосы и помятые рыжие усы.

— Я тебя, сукина сына, в мочалу оборочу! Дай только дознаться, кто!

Спустя десять минут он уже в дежурной, где над лентой Морзе склонился телеграфист Вонифатькин.

— Четвертому отправление дали, Андрей Петрович, — говорит телеграфист Вонифатькин, кудлатый белобрысый молодой человек.

Заиграев искоса поглядывает в сутулую спину телеграфиста.

— „Может, это ты и есть „Заноза“? — соображает он подозрительно. — Сопля! Ну, ежели ты—дам тебе такое отправление—скорее курьерского покатишься!“

Неприятность окончательно отравила начальника станции,—даже под ложечкой как-то сосет и ноет.

С остервенением он вытаскивает из аппарата жезл и, сунув под мышку, идет на платформу.

На пустой платформе, заваленной за ночь снегом, гуляет ветер. Заиграев становится к нему спиной и, подняв воротник, смотрит в ту сторону, где сейчас из-за пригорка вынырнет поезд, чтобы, не останавливаясь и только замедлив ход, пройти мимо „Шишек“.

Хмурыми глазами смотрит Заиграев, а в мозгу, словно заноза, все та же мысль:

— „Как дознаться, чьих рук заметка?“

Вот уже макушки сосен закурчавились дымком — словно гигант закурил трубку. Вот разом выскочил паровоз, и грохот растет с каждой секундой.

Кладовщик Антипов вышел из сарая и хлопает кожаными рукавицами—окоченел.

— „И этот мог написать!..“ злобно думает по его адресу Заиграев: — „Все могут. Долго-ли? Взял, прохвост, бумажку и пиши! И сам мог бы на кого угодно написать. Только не на себя... А под и— спроси любого... „Помилуйте, Андрей Петрович! Да нешто я осмелюсь?!“ Сволочи! Обрадовались, что жаловаться можно! Небось, раньше в печку бы их писанье, а теперь—на! печатают!..“

Паровоз поравнялся уже с платформой. Заиграев видит, как машинист высунулся из под кожуха, приготовляясь на ходу схватить жезл и передать старый.

— Наше почтение Андрей Петровичу!—кричит машинист, и его лицо, измазанное сажей, расплывается в добродушную улыбку.

Поймав жезл из рук Заиграева, он сейчас же протягивает старый жезл и следом какой-то сверток.

— Держите. Как наказывали давеча.

Одна секунда—и удобный момент, чтобы принять сверток, будет упущен.

Но в эту одну секунду Заиграев успевает снова вспомнить о заметке, о том, что автор ее неизвестен, и что этот автор, может быть, не кто иной, как кладовщик Антипов, который сейчас смотрит на него. Нет, ну ее к дьяволу—водку! Донесут!

Заиграев машет рукой.

— Не надо.

Изумленное лицо машиниста уплывает, а сверток так и остался в его руке: бросить невозможно—вещь жидкая.

Заиграев, проводив глазами последний вагон, где на площадке кланяется кондуктор,—поворачивается и медленно идет к станции.

А следом за ним тащится назойливая мысль:

— „Как дознаться, какой прохвост написал?!“

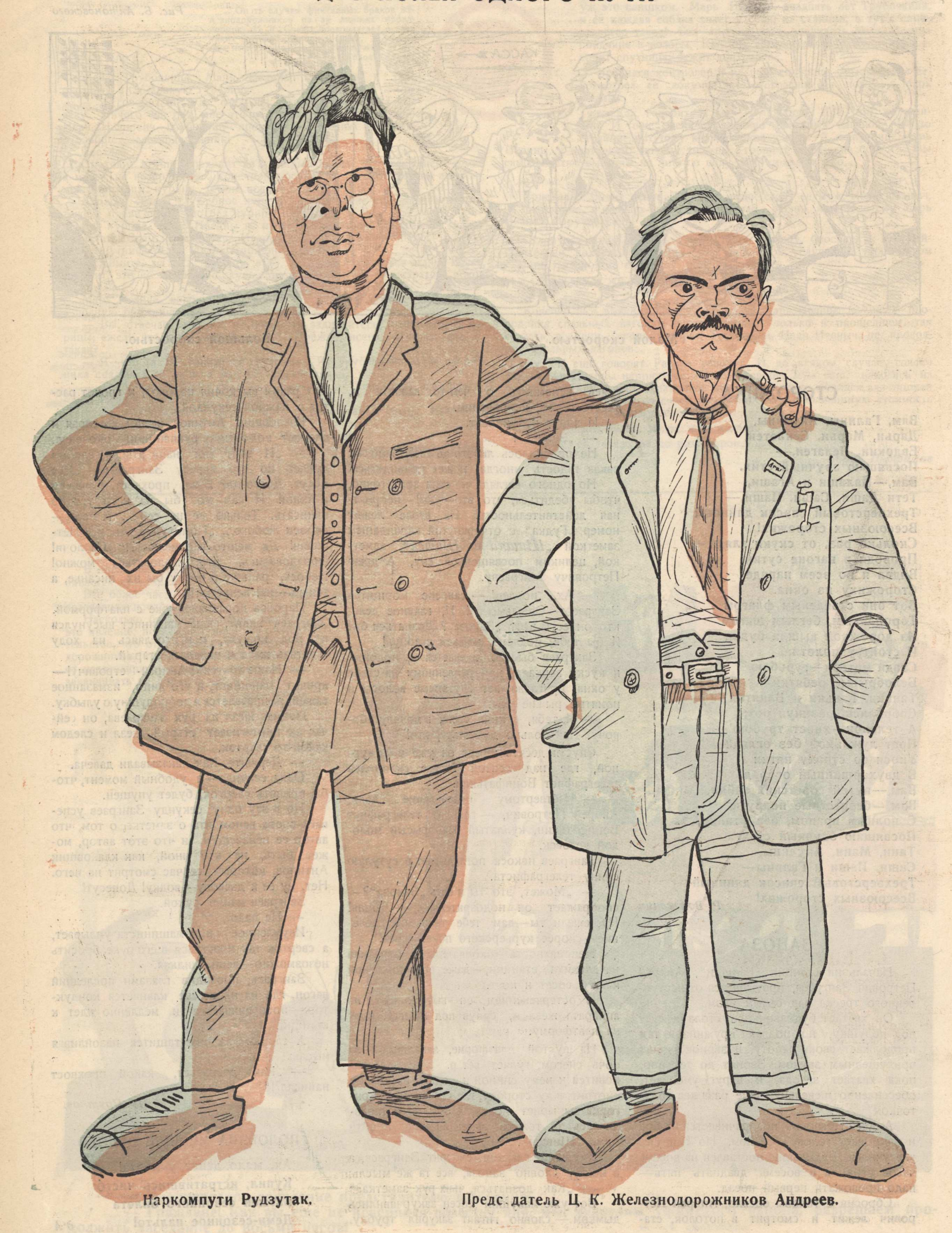
Ив. Прутков.

ПОЛОВИНА МЕНЬШЕ ЦЕЛОГО

Ах, мало денег у поэта!
Купил, истратившись чисто́:
Взамен сезонного билета
Деми-сезонное пальто!

д'А

ДВЕ КОЛЕИ ОДНОГО ПУТИ

Наркомпути Рудзутак. Предс. датель Ц. К. Железнодорожников Андреев.

СКОРЫЕ ЛЮДИ

Рис. Л. Бродаты

Предстоящему съезду желдорожников посвящается.

Не успеет собраться желдорожный съезд, как уже начнет думать о разъезде ..

И не только об одном разъезде, а о всех многочисленных разъездах, будках, полустанках и станциях СССР.

ПОДОРОЖНИКИ

(Листки из записной книжки).

„Берегись поезда!"—прочитал некий гражданин на доске, возле шлагбаума.

И одобрительно заключил:

— Правильно! Теперчи не дай бог в поезде ехать: бандиты ограбят...

*

СТИХИ С ПРОЗАИЧЕСКИМ КОНЦОМ

Классные вагоны
Спят во тьме ночной,
Тихие перроны
Полны свежей мглой.
Не пылит дорога,
Не трещат мосты.
Подожди немного—
Получишь прибавку жалования и ты!

*

По жел-дорожке протягивай ножки.

*

ГЕОМЕТРИЯ НА РЕЛЬСАХ

Линия—место, куда выезжают разные комиссии. („Комиссия выехала на линию").

Кривая (бесконечная) — кратчайшее расстояние между двумя канцеляриями.

Угол—небольшая квартирка ж.дорожника в вагоне б. 4-го класса.

Точка— граница фраз в служебных телеграммах...

Например: „Срочно дошлите две бутылки горькой точка поросенка получил точка

ДС Вахрюков"

*

О СВОДАХ

Если ты инженер и, строя мост на сводах, не хочешь попасть в исправдом,—помни о своде законов СССР.

*

„ВСЕ ДОРОГИ ВЕДУТ В РИМ"

В сужденьях строги—
Мы говорим
— Не все дороги
Приводят в Рим.
Читатель! Лозунг
Переиначь:
„Все жел-дороги
Ведут в „Смехач"

*

РАССУЖДЕНИЕ О ТЕХНИКЕ

Паровоз движется *паром* Однако, затруднительно предполагать, чтобы *водовоз* двигался *водой* и уже совсем непонятно, чем приводится в движение обычный *воз*, не имеющий никакой приставки.

Иван Прутков

Рис. С. Д.

40 ЛОШАДЕЙ И 8 ЧЕЛОВЕК

Сегодня у нас весь №—железнодорожный, а потому и этот наш отдел целиком на 40+8 мест отведен железнодорожнику.

У нас, так сказать, железнодорожник—вроде бы именинник сегодня.

И если теб", читатель, некоторые заметки покажутся мелкими, не ворчи и не об жайся (мол, за что деньги платил!).

На имениннике даже мелкое пятно бросается в гл за.

ВОЛЧАНКА

Пишет читатель, под звучным псевдонимом „Идол"—с просьбой „не отказать в помещении".

Помилуйте, Идол, как же можно!? Нынче такой день.

Помещаем, хотя факт и мелкий.

> На станции Волчанск Южн. жел. дор. в зале III класса, по вечерам собирается поселковая молодежь и устраивает пляску со свистом.
>
> Бывает и лучше: нередко подвыпившие парни затевают между собой скандал, вооружаясь к драке станционной мебелью.

Пляска со свистом- это, тов. Идол, не что иное, как *свистопляска*. Дело обыкновенное и мелкое.

Что касается вооружения мебелью, то это - холодное оружие.

А ежели самовар, паровоз или агент желдор. охраны тогда это горячее оружие. Впрочем, последнее из трех—довольно безобидное: комара не тронет, а не то, что хулигана.

P. S. Кстати, почему вы пишете из „приемного покоя"? Неужто от Волчанской мебели пострадали?!

НИ ОДЕЖЕК, НИ ЗАСТЕЖЕК...

Скучная мелкая тема:

> На станции Тайга рассыльные телеграфа (пишет Томское „Красное Знамя") до сего времени не получили спецодежды. Пока собирались выдать,—*всю одежду украли.*
>
> Пошли рассыльные к ШЧ, а он им сказал:
>
> — Будете шляться, — со службы выгоню.
>
> Месткому вся эта история известна но он молчит.

Молчание—знак согласия. Такой славный местком: со всем согласен!

Одежду украли—согласен!

ТЧ—помещиком держится—согласен.

Сам местком никуда негодится—и с этим согласен.

Ну, вот и хорошо. Долой соглашателей!!

ДЕТСКИЕ ИГРУШКИ

Узнаем из „Саратовских Известий":

> На пассажирском вокзале с каждым днем увеличивается число обитателей-беспризорных. Не имея обеспеченного куска хлеба, беспризорные тащат у пассажиров багаж, деньги из карманов и т. п. На вокзале становится опасно пройти.

Полнейшая мелочь

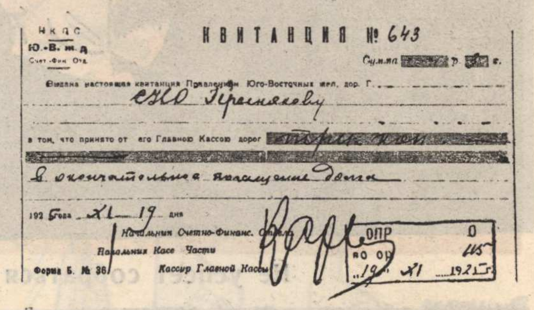
Что прут? Багаж, деньги и т. п. мелкие предметы.

Когда вокзал сопрут, тогда и поговорим по-настоящему, по случаю безвыездного положения.

МЕЛОЧИШКА

Недаром мы извинялись за мелкость фактов.

Читайте квитанцию Счетно-финансового отдела Ю.-В. жел. дор.:

НКПС
Ю.-В. ж. д.
Счет.-Фин. Отд.

КВИТАНЦИЯ № 643

Сумма [redacted] р. [redacted] к.

Выдана настоящая квитанция Правлением Юго-Восточных жел. дор. Г. СКО Герасимову

в том, что принято от его Главною Кассою дорог [redacted]

в окончательное погашение долга

192 5 года XI 19 дня

Начальник Счетно-Финанс. Отдела
Начальник Касс Части
Кассир Главной Кассы

Форма Б. № 36

ОПР 0 ФО ОН 115 19 XI 1925

Ну, что может быть мельче?! Прямо сказать—карманные деньги.

А ведь нес гражданин в фин-отдел,—небось сто потов с себя согнал от ужаса:

— А вдруг потеряю... А вдруг ограбят... Или же... сохрани господи, рас-тра-чу ..

Но все-таки благополучно донес и сдал. Фин-отдел от радости захлебнулся бумагой.

ПЕРЕГОН И УКЛОН

Ничего нет легче—читая газету, изучить железнодорожную терминологию.

Например:

> ОГРАБЛЕНИЕ ПАССАЖИРСКОГО ПОЕЗДА.
>
> (От нашего ростовского корреспондента).
>
> В ночь с 15—16 января на перегоне (Кизитиренки-Нахичевань) в вагон № 533 поезда № 4 на ходу ворвалось 8 вооруженных бандитов.
>
> Терроризируя пассажиров, бандиты произвели ограбление приблизительно на 5.000 руб
>
> ...Совершив налет, бандиты, пользуясь тем, что в этом месте поезд идет под уклон, выскочили из вагона и скрылись.
>
> Карательными органами производятся розыски. („Красн. Газ.")

Итак, нам нетрудно о ределить, что такое—перегон и уклон.

Перегон: любой участок дороги, где пассажирские деньги перегоняются в карманы бандитов.

Уклон (вредный): такое место пути, где поезд идет медленно, для удобства соскакивающих бандитов.

Может, не совсем технически-точно, зато правильно, с точки зрения ограбленных пассажиров.

ОСОБАЯ КВАЛИФИКАЦИЯ

Рис. Н. Гадлова

Замечено обилие пьяных в поездах.

— Для курящих, для некурящих...

— Это, брат, не наши вагоны. Вон он наш: для пьющих. Видишь?

КРУПНАЯ НЕПРИЯТНОСТЬ

Телеграф принес отвратительное сообщение из Харькова:

> КОМУ ДОСТАЛСЯ 50-ТЫСЯЧНЫЙ ВЫИГРЫШ.
>
> ХАРЬКОВ, 28. За две недели до розыгрыша 1 золотого займа телеграфист ст. Бахмач тов. Незхолий вследствие крайней нужды вынужден был продать свою пятирублевую облигацию скупщику спекулянту. На этот билет, доставшийся спекулянту за 3 рубля, пал выигрыш в 50 тыс. руб.

Спекулянт, конечно, не так мудр и справедлив, как Соломон. Иначе он рассудил бы по-человечески:

— На пятирублевую облигацию пал выигрыш в 50 тысяч, по тысяче на рубль. Я же заплатил три рубля, — следовательно, имею право на 30 тысяч, а 20 тысяч должен отдать бедняге телеграфисту,

Ах, до чего мы хотим, чтобы в спекулянте оказалась Соломонова мудрость!..

Что касается крайней нужды телеграфиста, ставим в известность тех, кому знать надлежит:

.——. .—. .. —— . .—. .. —— . .—. —.——

п р и м и т е м е р ы

ХИРОМАНТКА и ДС

Рис. Л. Бродаты

— И предстоит вам впереди дорога...
— Ежелиб на Московско-Казанскую дорогу угодить—хорошо бы: все к тестю поближе!

НЕ УГОДНО-ЛИ ПОЛТИННИК?

Хитрющее ТПО на Ряз.-Ур. ж. дороге:

> Несколько десятков рабочих железнодорожников подали в правление ТПО заявление с просьбой исключить их из числа членов-пайщиков и возвратить им их пай.
>
> ТПО постаралось уговорить рабочих, обещало им кредит и т. п. льготы. Рабочие не соглашались
>
> *Бухгалтерия ТПО высчитала, что взносы пайщиков, тогда „миллионы", в переводе на теперешнюю валюту равняются 50 копейкам!..*

А как, товарищи, называется такое отношение к рабочим пайщикам, *в переводе на русский язык*?

Еще в шахматной игре такое слово имеется!! Хорошее слово. Крепкое.

ШЕСТЬ МЕСЯЦЕВ УСЛОВНО

Симпатичная жел-дорожка — Рязанско-Уральская. Особенно, Мат.-Хоз. склад ст. Саратов II.

> Ст. Вертуновка *еще 19 марта* просила мат.-хоз. склад при ст. Саратов II о высылке бумаги. Еще писали *20 августа и 30 сентября.*
>
> Положение участка без бланок и книг критическое, нет возможности вести учет кладовых. Дорожным мастерам и старшим рабочим рапорта, настенные табели, рапортички и пр., за неимением, не выдаются.

На ожиданье канцелярских принадлежностей склад дал станции *шесть месяцев условно.* Что будет дальше—неизвестно: может, еще годик даст. А там и спины железнодорожные приспособят для написания срочнейших бумаг.

Можно и на спине зав. складом Саратов II писать: все равно, спиной к Вертуновке повернулся. Кричи—не кричи!

КАРТЫ ПОДВОДЯТ!

Нашим читателем прислана нижеследующая карта Туркменстана (из журнала „Работница", № 21) с просьбой вывести беднягу из ужасного тупика, в смысле прописки. Живет видите-ли, читатель в Полторацке (бывшем Асхабаде). А по карте выходит, что Полторацк—особо, а Асхабад—особо—на почтенном расстоянии друг от друга.

Вот и опасается бедняга, как бы милиция не притянула за незаконное сожительство в двух городах.

Не знаем, милый, как быть.

Советуем выехать из одного какого нибудь города.

А еще лучше—не брать в руки таких карт.
О, карты!—как поется в „Пиковой даме".

АППАРАТ БЕЗ АППАРАТОВ

Существует в Томске аппарат нарсвязи или попросту центральный телеграф—Томской ж. д. О нем известно только одно:

> На телеграфе нет *ни одного исправного* скородействующего *аппарата* и, плюс к этому, *весь* выдаваемый *материал дается недоброкачественный.*

Товарищи томские железнодорожники! Начинайте борьбу за качество телеграфной продукции: боритесь с недоброкачественной администрацией!

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ДОБРОХИМ

Дело Доброхима прочно поставлено на рельсы... Северо-Кавказской ж. дороги:

> Под вокзалом ст. Сталинград Сев. Кавк. ж. д. устроены печи для отапливания вокзала. Отопление печей нефтяное. *Нефтяные испарения проходят в помещение вокзала, наполняя их удушливым газом*
>
> — Продежуришь ночь, *а на утро голова разваливается*—жалуются служащие.

Странный народ — сталинградские железнодорожники: вот и пойми их, в Англии Чемберлены только и дышут нефтяными испарениями, заместо чистого воздуха. Нефтяной газ самое наилучшее питанье для дипломатических легких, а... сталинградцы недовольны.

Хотят дышать, как по правилам полагается—смесью кислорода с азотом.

А Управление Северо-Кавказских ни с места, хоть кол на голове теши!

Впрочем что—кол? Можно устроить лесопильный завод „Волго-Каспий-Лес" на северо-кавказской голове—и тот выдержит!

НАОБОРОТНАЯ СТОРОНА Т. П. О.

Рис. Б. Антоновского

— Гляди, Вась, ежели наоборот читать, то ОПТ.. А махорки, между прочим, нет ни оптом, ни в розницу

В ТУПИКЕ

Что другое, а голосовать мы умеем!

— Кто против? Подымите руки!

Дружно подымаем.

— Кто за?

Опять дружно подымаем.

— Кто воздержался?

И снова—дружно руки вверх.

Словом, поднаторели.

28-го ноября, на станции Горки, Казанской дороги, происходило общее собрание членов союза.

На повестке стоял—отчет месткома и ревкомиссии за три месяца.

Отчет делал председатель месткома, товарищ Репьев, и—спасибо — не шибко задержал слушателей.

— Я да мы... В общем и целом... Целиком и полностью... Меры приняты. Недочеты устраняются Работа налаживается. Я кончил.

Дальше, разумеется—

— Слово принадлежит председателю ревкомиссии, товарищу Васильеву.

Пауза. Все смотрят на Васильева, ждут.

А Васильев, голубчик, меланхолично носом посапывает и дремлет, „будучи не совсем в трезвом виде“ (по деликатному определению рабкора).

Ну, конечно,— в бок Васильева:

— Товарищ, не задерживайте. Вам слово принадлежит...

Ну, вскакивает Васильев, как ошпаренный кот:

— Что? Кого принадлежит? Ага, слово? Это можно... Это я сичас... Кхе!.. Тово... Одним словом, целиком и полностью... одобряю, который этово... в общем и целом... взял правильный курс, так что даже в области радио им... постановлены, товарищи, два столба, как начало радио-смычки с центром... Так что теперь мы уже имеем два столба, которые постановлены... целиком и полностью... по инициативе товарища Репьева...

Проговорив все это со скоростью, на которую был способен „горький“ язык, Васильев покачнулся, сорвал с головы шапку и, обводя собрание мутно-осовелым взглядом, торжественно заключил:

— Так что... ввиду чего... этово.. предлагаю, товарищи... всем единогласно снять шапки и... почтить память вставанием...

Неизвестно, много-ли голов было на собрании, но факт на лицо:

„Собранием это было, *поголовно всеми, с точностью*, выполнено“ — пишет рабкор.

Встали, постояли, почтили память (кого-чего — неизвестно) и снова сели, по предложению председателя ревкомиссии.

„Дальше все собрание прошло вяло“ (констатирует рабкор),— „критики не было, резолюция была зачитана, и разошлись все, как с поминок“...

Но мы не думаем, чтобы Васильев ограничился двумя столбами и „вставанием в чью-то память“.

Наверно, вот как было дальше.

* * *

— Садись! — скомандовал Васильев, и, когда собрание единогласно село, он покрутил в воздухе пальцами и крякнул.

— Эх, ну и водку я давеча пил у Кузьме Фролыча. На травке, что-ль, настоена... Одно горе, товарищи—мало! Две бутылочки вытрескали целиком и полностью — и вся, нету! Эх! Хорошая была водка! Так что, товарищи, предлагаю это самое... снять шапки и почтить память вставанием...

Все, как один, молча сняли шапки и встали.

— Так-с. Садись тапере.

Сели.

— Вот, товарищи, — продолжал Васильев:— вношу на голосование конкретно: выразить товарищу Кузьме Фролычу Огрызкину коллективную благодарность за тую водку, с пожеланием дальнейшей полезной настойки на указанной траве. Кто за? Подымай руки.

Все подняли руки.

— Кто против? Подымай.

Опять все подняли.

— Воздержавшиеся?

Снова—все руки наверху.

Васильев протер глаза, ущипнул себя за нос и сказал:

— Что за дьявол? Кругом единогласно! Предлагаю переголосовать, ввиду очевидного равенства голосов. Кто за предложение?

Все руки поднялись к потолку.

— Кто против?

То-же число рук вытянулось вверх.

— Кто воздержался?

Опять — все руки.

— Ччорт! — изумился не на шутку Васильев: — опять совпаден е! Опять переголосовать надо! Кто за? Подымай! Кто против? Кто воздержался? Ах, мать честная! Опять все! Ну давай сызнова...

И слышно, что, ввиду таких странных результатов, голосование продолжается по сей день, и никто никуда не расходился, а напротив— собрание дружно голосует „за, против и воздерживаясь“, так что у Васильева давно уже и хмель из головы выскочил.

* * *

Читатель! Почтим этот роковой случай вставанием...

Азиат

И рисунок неважный, и клише скверное—а не поместить нельзя: все таки специальный железнодорожный №.

НЕДОРАЗУМЕНИЕ

— А они напирают все крепче и крепче. Раздаются мучительные стоны и крики. Тогда я кричу: „Бригада за мной!“...

— Виноват, это на какой же войне было?

— Да не на войне, а на станции. Я про посадку пассажиров рассказываю, а сам я бригадный кондуктор!

МОДНЫЙ БАГАЖ

— Гражданин, ваш тюк весит больше, чем допускается. Пожалте на весы!

— Вот чудаки! Кто же мануфактуру взвешивает? Ее мерить надо!

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ

О ПЛАЦКАРТАХ

— Какая разница между спальным вагоном и исправдомом?

— В спальном вагоне все места—для лежанья, а в исправдоме—исключительно для сиденья.

НА ПЕРРОНЕ

Пассажир (про себя): —Таких алиментов один человек снесть не в состоянии!

Носильщик:—Дозвольте, гражданин, я поднесу?!

БЫВАЕТ

— Читали, как на ходу поезда ограбили вагон с мануфактурой?

— Это что! В нашем поезде у паровоза на-ходу поршень сняли—так мы до станции, двадцать пять верст, без поршня ехали!

ПОРТРЕТНОЕ СХОДСТВО

— Послушайте, гражданин, отчего, когда кондуктор спрашивает у вас годовой билет, вы хохочете как бешеный?

— А это для того, чтобы быть похожим на собственную фотографическую карточку, наклеенную в годовом билете!

НА ОДЕССКОМ ВОКЗАЛЕ

— Вы решили твердо ехать в Москву?

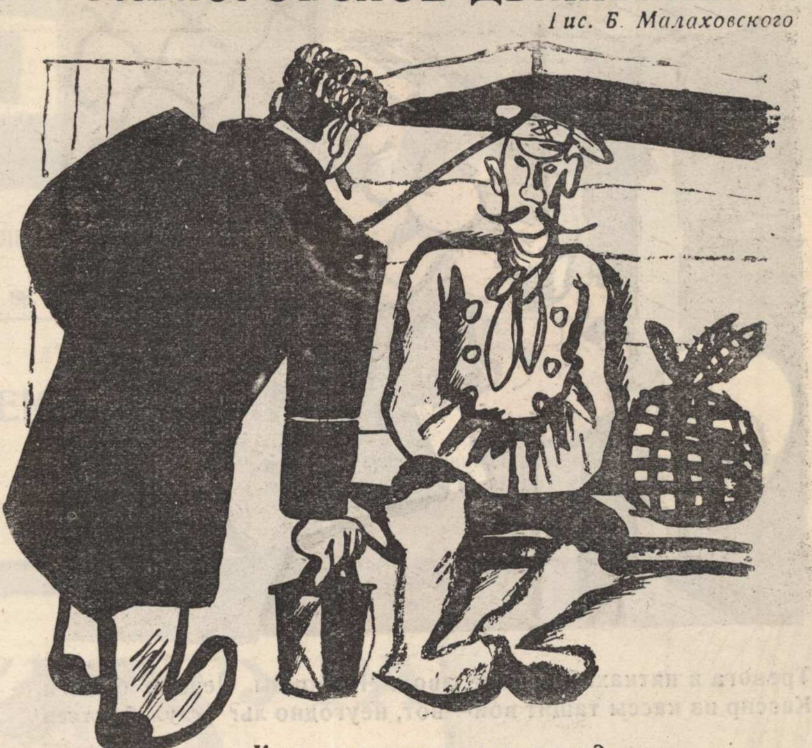
— Вопрос! Конечно, твердо! На мягкое место у меня же денег не хватит!

ЛЮДИ В КУПЭ

— Что ни говорите, Исидор Львович, хотя мы с вами постоянно ездим в мягком, но место наше в Союзе—жесткое

РАБКОРОВСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Рис. Б. Малаховского

— Куда двигаетесь, товарищ?

— На 74-ую версту. За напечатание в „Гудке" заметки с узловой переводят.

НА БИЧЕВОЧКЕ

(Рассказ в поезде).

Я и мой приятель, оба зимогора, возвращались из города к себе, домой, с последним поездом.

Как обычно енно, вагон был почти пустой и еле-еле освещался жалким огарком в фонаре наверху, между дверей.

Колеса уныло постукивали, вагон скрипел и дребезжал, а в окна барабанил мелкий косой дождик.

Было тоскливо, езды было полтора часа, обо всем мы переговорили уже в городе на службе и теперь молча сидели друг против друга и курили папиросу за папиросой. В нашем отделении кроме нас, не было никого.

Почти на половине пути из соседнего отделения вышел к нам молодой человек лет двадцати пяти, гладко выбритый, с красивым, немного строгим лицом, в прекрасно сшитом пальто и в широкополой шляпе.

На первой остановке молодой человек спросил, какая это остановка, а затем выяснилось, что он слезает через три остановки. на разъезде возле небольшой глухой дачной местности.

— А что, не страшно там пройти в это время? Пальто не снимут?—спросил молодой человек.

Я его успокоил, а приятель добавил:

— В вагоне скорей обокрадут.

— Ну, железнодорожных воров я не боюсь. Еще не случалось, чтобы меня в поезде обкрадывали, — ответил молодой человек и закурил новую папиросу.

— А вот был со мной замечательный случай недавно,—заговорил молодой человек.—На перегоне Харьков-Симферополь Очень интересный.

— Расскажите,—попросил я.

— Пожалуйста. Такой интересный субъект попался на редкость, первый раз в жизни Поезд был курьерский—Москва-Севастополь. Дело было в июле, курортной публики немного, и в мягком вагоне, в котором я ехал, почти никого, а в моем купе и совсем никого. И вот в Воронеже входит в купе гражданин, высокого роста, одет с иголочки, лицо такое холеное, пенснэ золотое, не стар еще. Но сразу заметил я в глазах его какую-то неуверенность: бегает ими по всему купе, не хочет показать, что меня насквозь прощупывает, а я это вижу. В руках у него два чемодан ика, один побольше, другой поменьше, оба заграничные из превосходной кожи и уложены, видно, изрядно. Ну, через некоторое время успокоился он, очевидно, относительно меня и моего чемоданчика небольшого (долго на него смотрел так), уселся, один свой чемодан в головах поставил, другой в ноги, снял шляпу и стал в окно смотреть.

Дело было к ночи и через полчаса вошел проводник и приготовил постели.

Завозился опять тут мой спутничек, стал чемоданы перекладывать, из маленького подушечку-думку достал и все это торопливо как-то. Ну, думаю, нужно быть на-стороже. Переставил свой чемоданчик к двери, подушку тоже, и лег так, чтобы видеть своего спутника всего и ни одного движения не пропустить. А он заботливо так застегивает свой пиджак на все пуговички, вынимает из маленького чемодана две толстых бичевки и вдруг спрашивает:

— „Нет ли у вас ножичка перочинного или какого нибудь?"—„Нет",—говорю.

— „В самом деле, или просто дать не хотите ?—„Нет на самом деле",—опять говорю.— „И ножниц нет"?—„Нет".—„Ну и не надо",—говорит. „Я, собственно говоря, из предосторожности только и спросил. Жуликов теперь больно много развелось по железным дорогам. Вы уже извините, чемоданы тащут из под рук прямо. Ну, а я спать здоров. Так я теперь чемоданы вот этими бичевками на время сна к себе привязываю. Вот этот маленький к руке и под голову, а этот побольше к ноге". И он, действительно привязал оба чемодана, один к руке—другой к ноге, хорошими крепкими узлами и улегся.—„А вы как, чутко спите?"—спрашивает меня. Э-э, брат, думаю, шалишь.—„Чутко",—отвечаю.—„Ну и хорошо, мне спокойнее",—говорит. Ладно, думаю, не на дурака напал. Через минуты две спутник мой захрапел, а еще через две захрапел и я. Ну-с...

В это время наш дачный поезд дал свисток у семафора того разъезда, на котором нужно было сходить нашему молодому человеку.

— Вам сходить здесь—сказал я.

Молодой человек засуетился и поднялся.

— Все таки интересно, чем же закончилась ваша встреча?—спросил я.

— Вероятно, очень обыкновенно,—вмешался мой приятель.—Этот ваш спутник, осторожный, с привязанными чемоданами, стащил и ваш чемодан и скрылся ..

— Нет, что вы,—немного обиженно ответил молодой человек, застегивая пальто.—Не так уж обыкновенно, наоборот. Мы не проехали и двух станций, как я у них чемоданчик, который побольше взял и слез с поезда. Чемоданчик ничего,—даже деньги были в нем.

И молодой человек направился к выходу.

— Позвольте, а как же вы бичевку-то... без ножика?..—изумился приятель.

— Папиросочкой пережег-с, для этого головой к ногам и лег-с. На все своя манера есть.

Поезд остановился, молодой человек выскочил на платформу и помахал нам широкополой шляпой.

У меня были украдены золотые часы. Вероятно, когда давал прикуривать.

В. Финити

ПРИЗНАНИЕ ПИСАТЕЛЯ-ПАССАЖИРА

Морщу лоб в тоске тревожной.
В сердце пусто. В мыслях муть.
В „специальный желдорожный"—
Что-б такое писануть?

Я абстрактно—для проформы—
Знаю „общие места":
Стрелки, буферы, платформы...
Но конкретно—ни черта!

Изучили даже дети
Путешествий карусель:
Взять билет. Сидеть в буфете.
Влезть в вагон Спросить постель.

И, заняв купэ поклажей
Всем попутчикам на зло—
Смену сереньких пейзажей
Наблюдать через окно!

Ну, а дальше? Что же дальше?
Ну, пейзажи... Ну, билет...
Где же мне, избегнув фальши,
Желдорожный взять сюжет?

Только здесь—сейчас—впервые,
Покрасневши от стыда,
Понял я, что ведь живые
Люди движут поезда!

И что должен без протеста
Я молчать—и никаких:
В этом номере не место
Мне, незнающему их!

Чтоб не портить тоном ложным
Общий хор—молчу! молчу!
В „специальном желдорожном"
Ехать зайцем не хочу!

А. д'Актиль

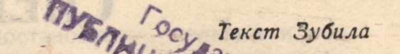
ЖЕЛДОРЛИТ

— Это там что за поезд стоит? Не Максим Горький?

— Что вы, гражданин... Упразднены давно Максимы Горькие... Это так: Борис Пильняк пригородного сообщения!

Издатель: „ГУДОК" Ответственный редактор А. С. Андрейчин.

Ленинградский Гублит № 8806. Типография „Инвалид Печатник", Ленинград, Улица Воинова, 26. Тираж. 70.000 экз

ЖИЗНЬ И ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

Рис. Н. Радлова. *Текст Зубила*

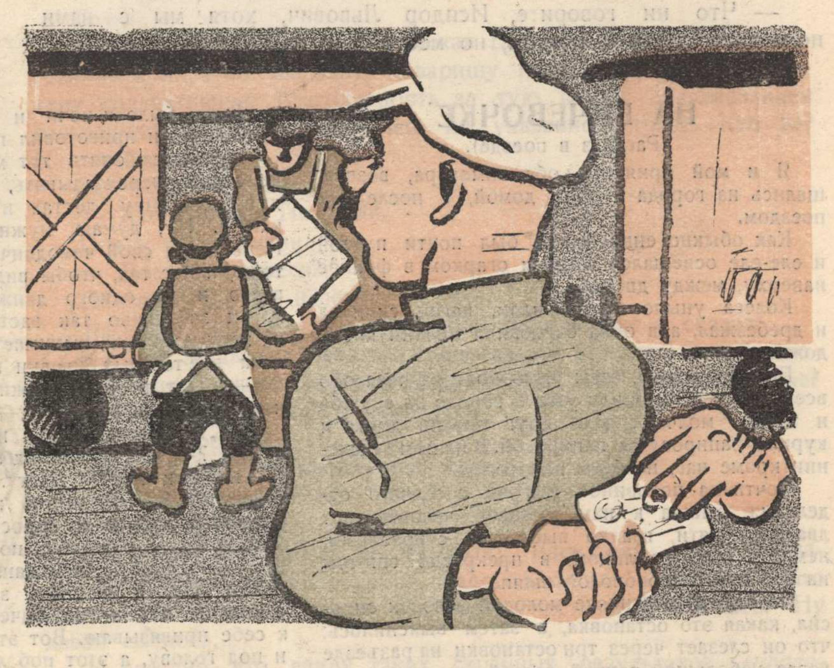
Тревога в пятках. В сердце звон. Червонцы. Ценные бумаги.
Кассир из кассы тащит вон—вот, неугодно ль?—*служба тяги!*

Руби-ка, с пеною, у рта, дрова начальству... и бесплатно!
Здесь служба то-ж: *эксплоата...ции,*—для каждого понятно.

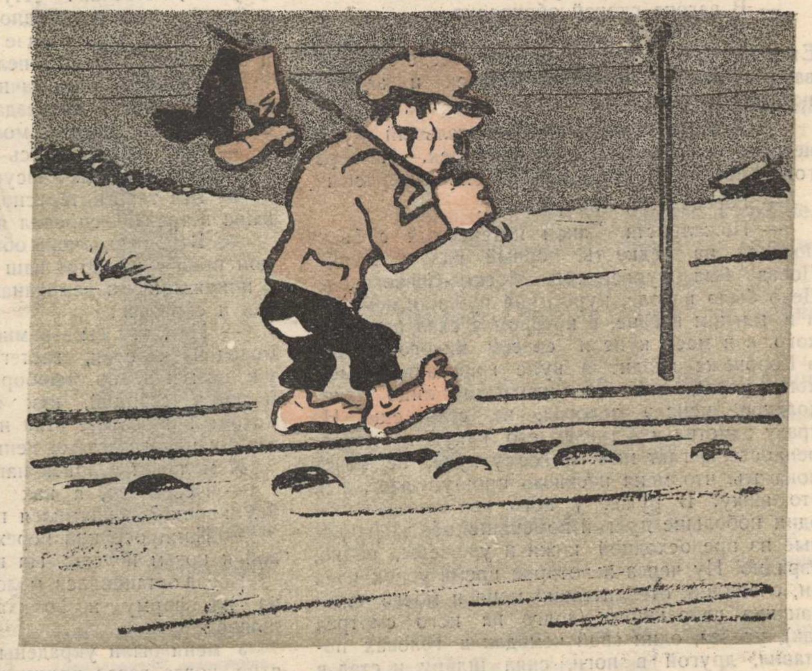
Дорожный мастер, чину рад, рабочих кроет идеально.
Здесь обращеньем служит мат: пример вам *службы матерьяльной!*

Чиновник прячет в лапу мзду и весь натужился, как боров.
Тут сразу *служба* на виду—так называемая: *сборов.*

В знакомствах, право, нету зла, и к пользе служит с завом дружба:
Здесь *служба связи.* Связь была- -и зав устроил в миг на службу.

Из штата выброшен. Иди! Идет нужда за бедным малым...
Тут *служба*-как ее?-*пути:* здесь путь-дороженька по шпалам!